

А. П. ЧЕХОВ НА СЦЕНЕ

Постановкой драмы Антона Павловича Чехова «Иванов» Калужский драматический театр отмечает столетие со дня рождения великого русского писателя.

В этой пьесе Чехов раскрывает трагедию человека, идейно и духовно опустошенного и осознавшего всю глубину своего падения, трагедию человека умного, честного, но не пригодного к борьбе со злом и пошлостью окружающей его жизни. С большой силой обличает писатель страшный гнет тогдашней российской действительности, калечившей и уродовавшей человека.

Эту чеховскую боль за человека, страстное осуждение пассивности и безволия, едкую издевку над мелочностью и пошлостью обывательщины доносит до зрителя спектакль, поставленный заслуженным артистом РСФСР Д. С. Любарским.

Драма Иванова — это не только результат личной слабости, неустойчивости героя. Человек большой души, смелых замыслов, Иванов не смог преодолеть косности окружающей его среды. Именно так решен режиссером весь спектакль. Внутренняя драма Иванова оказывается драмой социальной, трагизм его облика лишь усиливается карикатурностью тех людей, среди которых он вынужден находиться.

В Иванове (артист А. П. Тюрин) даже и сейчас чувствуется что-то от человека большого, от того Иванова, который, по его собственным словам, «был здоров и силен, был бодр, неуголим, горяч, работал этими сильными руками, говорил так, что трогал до слез даже нечеловеческого, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло». Но теперь это человек надломленный. В его взгляде — тоска и боль, в его движениях — расслабленность. А. П. Тюрин находит точные детали, подчеркивающие подавленность Иванова: опу-

щенные плечи, засунутые в карманы руки, усталость и безразличие в голосе...

Но и в падении своем Иванов остается выше тех, кто пытается судить его. Он один понимает всю меру собственной неприглядности. Он сам судит себя строгим и беспощадным судом. Слезы бессильной злобы душат его, когда он пытается понять, что происходит с ним. Тюрин — Иванов и здесь скуп на жесты. Боль и соединенное с жалостью презрение к себе выражены предельно просто и потому поражают зрителя правдой большого человеческого чувства.

До высокого трагизма поднимается артист в конце 4-го действия. Его движения становятся еще более скупыми; до него не доходят обращенные к нему слова, да и себя он почти не слышит. Он напряженно вдумывается, старается что-то понять — он, как натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Это едва сдерживаемое напряжение передается в затанцованном дыхании зрительный зал. Выстрел, раздающийся вслед за тем, воспринимается как точка, поставленная в конце этой неудачно прожитой жизни.

Вместе с тем хочется поспорить с такой режиссерской трактовкой образа Иванова и пьесы в целом. У Чехова Иванов вызывает к себе не только жалость, но и осуждение. Он не только несчастен сам, но и делает несчастными всех близких ему людей. Он отравляет жизнь жене, доводя ее до смерти, он отравляет жизнь Саше — чистой, милой девушке, полюбившей его. Он из тех людей, которые, по словам самого Чехова, лишь «гряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распущенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд

Иванов — артист А. П. Тюрин

«надломленных» и «непонятых».

Осуждение Иванову выносится доктором Львовым (артист О. В. Сидорин). Образ этот чрезвычайно сложен. Чехов видел в нем «тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека». Искренне считая себя человеком, свободным от обывательской мелочности, Львов, однако, не может понять Иванова. Он сводит все к мелочной критике, повторяя, в сущности, уездные сплетни. В исполнении Сидорина узкий схематизм Львова выступает очень отчетливо. Поза следователя, которую постоянно принимает Львов, сухое бесстрастие в облике и голосе лучше всего противопоставляют эту ходячую добродетель ошибающемуся, страдающему, но такому живому Иванову. Но убежденность и честность Львова при этом окарικатуриваются, а это явно обедняет образ. Против такого понимания его возражал и сам Чехов: «Такие люди нужны и в большинстве симпатичны. Рисовать их в карикатуре, хотя бы в интересах сцены, нечестно да и не к чему. Правда, карикатура резче и потому понятнее, но лучше не дорисовать, чем замазать».

Очень тонко ведет роль жены Иванова Анны Петровны, урожденной Сарры Абрамсон, артистка П. Г. Ваңеева. Сарра не упрекает мужа, она старается видеть в нем по-прежнему бодрого и деятельного человека — такого, каким она полюбила его. Больная, слабая, она еще пытается расшевелить мужа, заставить его быть тем Ивановым, ради которого она бросила все. Надежда оживает ее. Уговаривая Иванова стать, как прежде, веселым, живым, она и сама сбрасывает с себя придавившую ее тоску. Но

Саша — артистка Н. А. Надеждина

Иванов уезжает, и на ступеньках огромного барского дома застывает сразу как-то сжавшаяся, скорбная фигура покинутой, одинокой женщины. И глуповатый «Чирик», которым она старается прикрыть свое отчаяние, заставляет зрителя вздрогнуть. В нем — боль человека, который начинает ощущать, как жестоко он обманулся. Та боль, которая с такой силой прорвется в ее последнем, мучительном объяснении с Ивановым.

Среди тех, кто окружает Иванова, его жену, Львова, лишь один хороший, честный человек — Саша (артистка Н. А. Надеждина). Навяная, чистая девушка, она пытается «спасти», «возродить» Иванова. Она мечтает о высоких идеалах, о «деятельной любви». Именно поэтому она со страстной убежденностью доказывает Иванову его право на любовь, на счастье. Столько силы в словах Саши — Надеждиной, столько молодого задора в ее голосе, огня в ее глазах, что даже Иванов на минуту начинает верить в то, что можно начать новую жизнь... И уже иной — уставшей, измученной — видим мы ее в конце пьесы. Она еще пытается «спасти» Иванова, но уже нет в ней прежней уверенности. Надеждина доносит до зрителя этот драматизм образа Саши. Жаль только, что артистке не всегда удается передать всю обаятельность этой милой, романтически настроенной девушки. В исполнении артистки Г. Г. Воробьевой этот образ более односторонен. Ее Саша слишком прямолинейна, ей недостает горячности, но она привлекает своей убежденностью, доходящей до высокого пафоса.

Уездное «общество» поражает

Боркин — артист Б. Е. Белов

своей самодовольной пошлостью и тупой ограниченностью. Жалкий, вечно брюзжащий граф (эту роль превосходно исполняет артист Н. И. Клюев) еще пытается презирать людей. Но, увы, как смешон со своим презрением опустившийся аристократ. У этого неважачливого жениха при ходьбе подгибаются ноги, трясется от старости голова, он еще старается быть галантным кавалером.

Уездное общество подано режиссером в остро сатирическом плане. Это карикатуры на людей, олицетворяющие мертвящую пустоту жизни дворянства. Давно уже «кобанился, как старый криолин», отец Саши — Лебедев (артист Д. В. Маслов). В нем еще осталось что-то человеческое, он еще может понять другого и посочувствовать ему, но на большее уже не способен. Даже его горькие слова в собственный адрес — это всего лишь слова. При всех сложных вопросах он лишь недоуменно разводит руками, и в этом, точно найденном артистом жесте — вся отвратительная безвольность этого председателя земской управы.

Но если Лебедев лишь смешон, то его жена Зинаида Саввишна (артистка К. С. Любарская) — фигура зловещая. Надменно сжатые губы, вкрадчивый голос, смиренный и вместе с тем постоянно настороженный взгляд — таков созданный артисткой облик этой женщины, у которой давно уже вместо сердца ссудная касса. В каждом ее слове, в каждом движении сквозит лицемерие, которое, впрочем, не мешает ей быть грубой, когда речь идет о ее деньгах.

Под стать ей авантюрист и мошенник Боркин. Артист Б. Е. Белов играет эту роль удивительно

КАЛУЖСКОГО ТЕАТРА

просто, без нажима. Его Боркин — мошенник по призванию. В нем много молодечества, удали, энергии — и проекты, один другого удивительнее, так и сыплются из него. Он не брезгует ничем и ни перед чем не останавливается. Это тип, порожденный самой жизнью. Артист А. Н. Исупов тонко разоблачает ничтожество своего героя. В его исполнении Боркин более смешон, чем страшен. Но от этого образ Боркина несколько проигрывает в своей убедительности.

И абсолютно ничтожными, до предела мелкими и пошлыми личишками выглядят гости Лебедевых. Богатая, невежественная вдовушка Марфа Бабакина (артистка Е. Я. Каурова), которая так и пишет самодовольством; 1-й гость (артист А. А. Канинский) — пошлое и глупое ничтожество; 3-й гость (артист Ю. Д. Романов) — предельно ограни-

ченный и самодовольный позер. Но если все они еще пытаются изобразить себя людьми с каким-то кругозором и взглядами, то для акцизного Косых вся жизнь — в картах. В исполнении заслуженного артиста РСФСР С. Н. Сладкого этот образ не только смешит, но и заставляет содрогнуться. Этот суетливый, неопытный картежник олицетворяет собой тот предел, к которому может скатиться человек. Исполняющий эту же роль артист Ю. К. Зеленецкий, находя яркие краски для передачи полного духовного убожества Косых, не смог, однако, в полной мере донести до зрителя всей обличительной силы этого образа.

Эту галерею дополняет

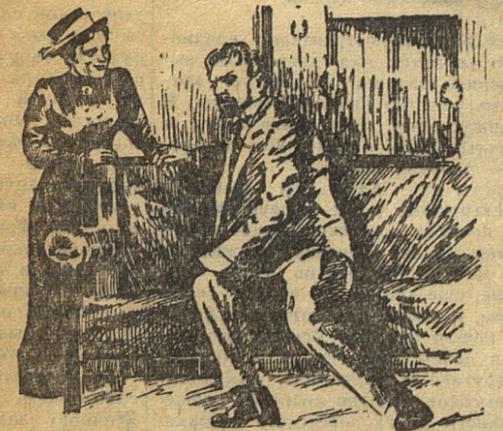
старуха с неопределенной профессией Авдотья Назаровна. Роль Авдотьи Назаровны замечательно исполнила народная артистка РСФСР В. И. Никитина.

На таком мрачном фоне духовная драма честного, но слабого, безвольного человека становится особенно понятной. Вызывая в зрителе сочувствие к человеку сломленному, надорвавшемуся под тяжестью взятых на себя задач, спектакль вместе с тем доносит до зрителя и чеховскую мечту о настоящем герое, способном противостоять окружающей его мерзости.

Особо необходимо отметить сделанное художницей М. Е. Степановой оформление спектакля.

Можно поздравить калужских зрителей с замечательным подарком, который преподнес им театр к столетию А. П. Чехова.

А. КАРПОВ,
преподаватель пединститута.

Сцена из спектакля. Иванов — А. П. Тюрин, Саша — Н. А. Надеждина.

Рисунки художника театра Э. Г. Мордмилловича.

27 января 1960 г.
3 стр.

ЗНАМЯ

ЗНАМЯ
г. Калуга